

И мы не ботфортом трюфеля хлебаем

Ник Перумов, из-за которого гномы полюбили пиво

Родился в Ленинграде. Сейчас живет в США, работает биофизиком. Заодно пишет книги в жанре фэнтези. Не менее раза в год приезжает в Россию, где к нему стоит очередь за интервью. В разговоре проскакивают американизмы. Выглядит немного прозрачным. В узких кругах считается классиком.

Сергей МИНАЕВ

О классике

— Вас здесь называют классиком. Есть такое самоощущение?

— Нет. Абсолютно. Просто никто не пишет фэнтези, которое мне было бы интересно читать.

— И тут и там?

— Да. На Западе фэнтези, как правило, слишком примитивно. А у наших — либо глубокий уход от канонов жанра и от жанра вообще в какую-то самодостаточно новую форму. А классическое фэнтези никто не пишет, если разобраться.

— Может, пласт уже выработан?

— Если бы он был выработан, то, наверное, упал бы интерес. И не продавали бы мои книги.

— Известно, что Бах — самый хорошо продаваемый композитор. Несмотря на то, что он давно умер. Никто давно, как Бах, не пишет. И инструменты другие, но тем не менее его продают.

— Пожалуй, есть такая опасность — мумифицироваться. Но, например, что может быть нового в шахматах?

— Разве что сексуальный скандал среди шахматистов.

— Но игра-то жива сама по себе.

— Ее пытаются модернизировать, пытаются установить более жесткий временной контроль, придумать новую форму состязаний. Вокруг игры меняется оплетка. Жанр фэнтези — это провод или оплетка?

— Это провод, мне кажется. Хотя, если мы копнем глубже, вся литература — оплетка вокруг каких-то моральных ценностей. Для чего создавались первые книги много веков назад? Чтобы стать средством передачи каких-то своих моральных принципов подрастающему поколению в форме, наиболее для этого подрастающего поколения доступной.

— Какие принципы подрастающему поколению передает фэнтези?

— Мы от этого уже отошли. Далеко.

— То есть не передаете ничего?

— Передаем, но то, что сам каждый находит в этом. Я могу судить об этом по письмам чита-

телей. Вот письмо, где написано: я понял, что вы хотели сказать этим романом. И дальше излагается то, чего у меня и в мыслях не было. Наверное, так и должно быть...

О войне и любви

— Сколько у вас отбраковки?

— КПД — как у паровоза. Если говорить о черновиках, их не так много. Но на уровне кручения в голове сцены процентов 90 уходит в отвал. Это очень много. Думаю, надо, чтобы процентов 90 уходило в отвал из написанного, а не из придуманного.

— Фэнтези и война неразрывны?

— Да. Я думаю, что это отражение такого детства человечества: пушки — не только последний, но и любимый аргумент королей. Я немножко недоволен собой, тем, что не написал еще то, что можно назвать разрешением конфликта без крови, мечей, столкновений и битв. Пока не написал, но хочу.

— Фэнтези не балуют разнообразием любовных сюжетов. Бывает любовное фэнтези?

— Бывает. Но очень неудачное. Это Барбара Картленд в обрамлении мечей и драконов. Иногда мне начинает казаться, что фэнтези происходит преимущественно из мальчишеского возраста, когда крови надо и есть неприязнь к девочкам. Понятно: природа оберегает незрелый организм от вступления в связь. Мой сын, которому седьмой год, терпеть не может девочек. Для фэнтези это тоже проблема. Нужно соответствующее собственное душевное состояние. У меня, например, не получается выписать с точки зрения холодного, отстраненного литературного мастерства, как, пардон за сравнение, Льву Толстому — Наташу Ростову. Хочу написать, пытаюсь написать. И отбрасываю. Не то, фальшиво, плохо.

Об Америке

— Куда идет Америка?

— Мне кажется, тенденция — грабь награбленное. Полное отмирание естественного производства. То есть вся Америка пишет программы и торгует акциями. Я читал, сколько-то лет назад в Америке был собран последний

телевизор, последний видеомагнитофон. Вы не найдете ничего американского в Америке, ну кроме, может быть, автомобилей. Хорошо сказано: американцы живут, чтобы работать. Почему они работают? Чтобы платить по счетам. То есть они живут, чтобы платить по счетам. Самый ужасный, главный страх — оказаться на обочине. И быть не в состоянии платить за дом, за машину. Мне неудобно в Америке, я не понимаю ее. Я не могу понять: неужели у них все это серьезно? С горящими глазами обсуждать, насколько подорожали наши акции, что поднялось, что опустилось?

— Многие ваши книги можно по эмоциональному фону отнести к жанру антиутопии. Вам не хотелось отработать Америку именно в этом жанре?

— Я ведь писал в соавторстве с Аланом Коулом. Написали книгу на английском языке, где речь как раз идет об Америке далекого будущего и о России тоже далекого будущего. К сожалению, в Америке толстые вещи проходят очень плохо. А книга писалась с расчетом на американскую публикацию. И мой соавтор Алан все время мне говорил: «Ник, это не пой-

Заморский гость

дет, это не пройдет, это нам вычеркнут, это нам переправят. Нужно писать просто, нужно писать прямо. Если мы хотим посмеяться над консюмеризмом — нужно писать об этом прямыми большими буквами».

— В Европе не так?

— В Европе не так. И книга, которую мы написали, она нешла в Америке своего издателя. Нашла издателя в Европе — например, в Чехии, Германии.

О халяве и успехе

— Коммерческий успех, когда вы только-только очутились в Америке, доминировал в ваших устремлениях?

— Я хотел доказать, что и мы не ботфортом трюфеля хлебаем... Был некий мальчишеский азарт. Но я очень быстро понял: чтобы у них добиться коммерческого успеха, нужно изнашивать себя. Писать книгу, которая бы там пользовалась коммерческим успехом, — это настолько неинтересно, настолько скучно и противно... А про мои собственные книги мне сказали коротко и ясно: не пойдет. Там цензура и ограничения на жанровое творчество сильнее, чем у нас.

— Вы любите халяву?

— Я успел забыть, что это такое. Последний раз на халяву доводилось сдавать в институте. Потом халявы не было. И потом, что значит — на халяву? В Америке халявы нет по определению.

— Раскрученное имя в каком-то смысле халявой не является? Например, Россия, Ник Перумов — это лежит на прилавке. Естественно, имя узнается и с большей вероятностью покупается.

— Ну да... Если у тебя раскрученное имя, то все — дальше можно писать что угодно. Как говорят, впаривать любую ерунду — читатель, мол, дурак, он все сожрет. Да, сейчас у меня есть преимущество перед молодым автором: книгу возьмут и опубликуют. Но с другой стороны, шишек-то сыпется больше, и спрос больше. Если я напишу плохую книгу, то свиста и улюлюканья будет намного больше. Да, легче опубликоваться: люди знают и, может быть, купят. Но если я напишу полную туфту, то обманутые читатели следующую книгу не купят.

О гномах

— Это вопрос более специальный, не знаю, применим ли термин, — есть ли у вас любимая раса?

— Есть. Гномы. Я их очень люблю.

— Гноумс или дуаврс?

— Я имею в виду дуаврс. У меня они как-то получаются. Я ставлю себе в заслугу, что пиво у гномов стало национальным напитком после «Кольца тьмы». Эту любовь гномов к пиву придумал ваш покорный слуга.

— А сами?

— Пиво стал пить.

— Только после этого?

— Только после этого, а так не пил.

— Вы биофизик. Гномы, насколько я помню, были созданы чуть ли не из камня. Вас не смущает это?

— Нет, потому что я легко могу себе представить жизнь не на основе углерода, а на основе кремния.

— Не хотелось бы вам вернуться к старой своей специальности, дать вполне нормальную статью о возможности существования гномов?

— Этим сейчас занимается Слава Логинов, который написал сугубо научные статьи о драконах, вампирах. Я испытываю некоторую зависть, потому что это моя профессиональная сфера. Не хватает времени. Желание есть, но приходится отсекавать все, что не работает на главную идею.

— Насколько серьезно вам нужно разрабатывать географию и прочие «материальные» характеристики мира в каждой конкретной книге? Для фэнтези это вроде бы обязательно...

— Тут у меня есть два метода. Метод первый, когда рисуется карта и даже пути героев измеряются. Есть другой метод. Типично импрессионистский, когда пишется без карт, без всего. Раньше я писал без планов, без сюжетов, без схем. Садился за машинку и не знал, чем это дело кончится. Сейчас нет. Сейчас я стал рисовать схемы сюжета, кто где стоит и куда смотрит. Я думал, что я без этого обойдусь. Не обошелся. Когда количество времени уменьшилось в разы, я столкнулся с тем, что мне приходится жестоко рубить дерево, которое выпускает побеги. Появилась отработка сюжетов, сцен, диалогов, появилось большое количество черновиков.

— Стало лучше?

— Люди говорят, да. Я не знаю.

Словарь для понимания Перумова

Фэнтези — жанр литературы, появившийся в Англии в середине двадцатого века. Родоначальниками Ф. считаются писатели из оксфордского кружка «инклингов» Толкиен и Льюис. Романы Ф. отличаются изобилием пеших (морских, воздушных) путешествий, персонажей кельтского (германского, славянского) эпоса, магических предметов (сущностей, явлений). Изначально Ф. было интеллектуальным — своего рода сказки для взрослых со смыслом, но после переселения на американскую почву сильно отупело. В России очень популярно среди компьютерщиков, особенно интернетчиков. Сюжеты Ф. породили массу компьютерных игр и анекдотов на любителя.

Гноумс (Gnomes), Дуаврс (Dwarves) — два вида гномов в фэнтези. Из сказок мы знаем название «гномы» (маленькие, но очень богатые человечки), так вот это совсем другое. Оба вида — злейшие враги переводчиков с английского, которые их часто путают. Обладают крайне недоверчивым характером и большими топорами.

Анджей Сапковский — польский писатель, автор наиболее известного цикла «славянского» фэнтези.

Алан Коул — соавтор Перумова.